

**ВЕЛИКИЙ
ПРАВЕДНЫЙ СТАРЕЦ
СТРАСТОТЕРПЕЦ ГРИГОРИЙ**
Григорий Ефимович Распутин-Новый

Ю.Ю. Рассулин — *авторский текст, составление, редакция*

Русская Хоругвь:

<http://rxpress.spb.ru>

info@rxpress.spb.ru

© Copyright: [Юрий Рассулин](#), 2020

Свидетельство о публикации №220080502217

Глава 10
Месть врага рода человеческого

9. М. В. Родзянко (годы 1912 -1913)

Усилия премьера Коковцова шли параллельно с деятельностью М.В. Родзянко, также не оставлявшего попыток вывести Распутина на чистую воду. Его озабоченность вопросом Распутина представляется весьма странной, напоминающей навязчивую идею, манию, чем-то сродни параноидальному бреду. Разобраться в мотивах поведения Родзянко относительно старца Григория было бы весьма трудно, если не учитывать его политических симпатий и общественного положения. Нетрадиционная для русского барина ориентация в политических сферах заставляет предполагать, что Распутин был для него костью в горле именно потому, что мешал Родзянко в преступной игре против царского трона.

Камергер Двора Михаил Владимирович Родзянко был избран председателем Гос. Думы в 1912 году после самовольной отставки с этого поста Гучкова. Новый председатель

ознаменовал свою политическую карьеру тем, что на одном из высочайших докладов, завёл речь о Распутине, где он вновь, как и его предшественники, огульно поливал грязью Царского Друга. Ни на что более достойное творческое начало его личности оказалась не способно. Под знаком этого события и прошла вся его последующая деятельность и в Думе, и в правительстве Керенского, и в эмиграции. Изменить не только направление, но и тональность этой деятельности он так и не смог.

Родзянко основательно подготовился к разговору с Государем. Два месяца он по своей личной инициативе, но не без ведома широкого круга третьих лиц собирал сведения против Распутина и подготовил солидный доклад, предполагая доказать Царю виновность старца Григория во всех приписываемых ему тяжких преступлениях. Как можно понять из слов Родзянко, побудительным мотивом для него явился всё тот же запрос в Думе по поводу публикаций Новосёлова. Однако, длительность периода сбора сведений и подготовки доклада, позволяет думать, что ещё задолго до появления публикаций Новосёлова Родзянко вынашивал свои обличительные планы относительно Распутина. Родзянко действовал параллельно Новосёлову и Гучкову. Вся деятельность этих личностей по дискредитации старца Григория носит вполне скоординированный характер. Родзянко признаётся, что ему «помогали Гучков, Бадмаев, Родионов, гр. Сумароков, у которого был агент, сообщавший сведения из-за границы. Через кн. Юсупова мы знали о том, что происходит во Дворце».

Из перечисленных лиц отметим Родионова — войскового старшину, келейника владыки Гермогена, который на Ярославском подворье вместе с епископом Гермогеном и иеромонахом Илиодором устроили аутодофе старцу Григорию. По некоторым воспоминаниям, Родионов даже обнажил шашку, что было воспринято бедным Григорием Ефимовичем, как попытка его оскотить. Видимо, ситуация заставляла думать именно так. Фамилия Родионова в списке осведомителей, доказывает, что Родзянко и еп. Гермоген также действовали сообща против Распутина.

Обращает на себя внимание и невольное признание, сделанное Родзянко, которое помогает кое-что уяснить. Родзянко упоминает князя Юсупова. Определенно указан титул — князь. Значит, речь шла не о графе Феликсе Феликсовиче Юсупове-Сумарокове-Эльстон, а о его сыне Феликсе Юсупове, будущем убийце старца Григория. Получается, что Феликс Юсупов-младший, поставлял для заинтересованных лиц через агента «сведения из-за границы» о Григории Распутине. Но какие сведения могли быть известны заграничным товарищам относительно русского крестьянина Григория? Да никаких сведений быть, конечно, не могло, а вот контрольные указания могли поступать из-за границы через Юсупова, который к тому же отслеживал и то, что происходило в Царском дворце. Получается, согласно Родзянко, что Юсупов-младший просто-напросто шпионил во Дворце Их Величеств, выступая при этом ни много, ни мало в качестве резидента иностранной разведки?

Но продолжим далее. Как считает Коковцов, вся работа Родзянко над докладом заняла около восьми недель, т. е. весь январь и февраль 1912 г. Наконец, завершив свой труд, прежде чем представить его Царю, Родзянко посетил Вдовствующую Императрицу Марию Феодоровну по её просьбе. События вокруг доклада Родзянко, в его же собственном изложении, развивались следующим образом:

«В феврале 1912 г. кн. Юсупов сказал мне, что императрица Мария Феодоровна очень взволнована тем, что ей пришлось слышать о Распутине, и что, по его мнению, следовало бы мне поехать ей всё доложить».

Вскоре после того ко мне явился генерал Озеров, состоявший при императрице Марии Феодоровне, по её поручению.

Он говорил, что императрица Мария Феодоровна желала бы меня видеть и всё от меня узнать. Императрица призвала кн. Юсупова и у него расспрашивала, как он думает, какой я человек и может ли председатель Думы ей все откровенно сказать. Кн. Юсупов ответил: «Это единственный человек, хорошо осведомлённый, на которого вполне можно положиться, он вам скажет лишь святую правду».

Вся царская фамилия с трепетом ожидала моего доклада: буду ли я говорить о Распутине, и какое впечатление произведёт мой доклад. В. к. Ольга Александровна говорила кн. В.М. Волконскому, что она очень надеется, что председатель Думы будет говорить с Государем.

За несколько дней до моего доклада позвонил телефон, и мне сообщили, что императрица Мария Феодоровна ждёт меня на другой день в одиннадцать часов утра. Я взял с собой все материалы и уехал. Немедленно был введён в её маленький кабинет, где она уже ожидала. Императрица обратилась ко мне со словами:

— Не правда ли, вы предупреждены о мотиве нашего свидания? Прежде всего, я хочу, чтобы вы объяснили мне причины и смысл запроса. Не правда ли, в сущности цель была революционная, почему же вы тогда этого не остановили?

Я ей объяснил, что, хотя я сам был против запроса, но что я категорически должен отвергнуть, будто тут была какая-нибудь революционная цель. Напротив, это было необходимо для успокоения умов. Толки слишком далеко зашли, а меры правительства только увеличивали возмущение.

[Речь идёт о запросе в Думу, сделанным Гучковым, по поводу конфискации тиражей газеты «Московские ведомости» и брошюры Новосёлова с материалами о Распутине – прим. Ю.Р.]

Она пожелала тогда осмотреть все документы, которые у меня были. Я ей прочёл выдержки из брошюры Новосёлова и рассказал всё, что знал. Тут она мне сказала, что она только недавно узнала о всей этой истории. Она, конечно, слышала о существовании Распутина, но не придавала большого значения.

— Несколько дней тому назад одна особа мне рассказала все эти подробности, и я была совершенно огорошена. Это ужасно, это ужасно, — повторяла она.

— Я знаю, что есть письмо Илиодора к Гермогену (у меня действительно была копия этого обличительного письма) и письмо императрицы к этому ужасному человеку. Покажите мне, — сказала она.

Я сказал, что не могу этого сделать. Она сперва требовала непременно, но потом положила свою руку на мою и сказала:

— Не правда ли, вы его уничтожите?

— Да, Ваше Величество, я его уничтожу.

— Вы сделаете очень хорошо.

Это письмо и посейчас у меня: я вскоре узнал, что копии этого письма в извращённом виде ходят по рукам, тогда я счёл нужным сохранить у себя подлинник.

Императрица сказала мне:

— Я слышала, что вы имеете намерение говорить о Распутине Государю. Не делайте этого. К несчастью, он вам не поверит, и к тому же это его сильно огорчит. Он так чист душой, что во зло не верит.

На это я ответил Государыне, что я, к сожалению, не могу при докладе умолчать о таком важном деле. Я обязан говорить, обязан довести до сведения моего царя. Это дело слишком серьёзное, и последствия могут быть слишком опасные.

— Государыня, это вопрос династии. И мы, монархисты, больше не можем молчать. Я счастлив, Ваше Величество, что вы предоставили мне счастье видеть Вас и Вам говорить откровенно об этом деле. Вы меня видите крайне взволнованным мыслью об ответственности, которая на мне лежит. Я всеподданнейше позволяю себе просить Вас дать мне Ваше благословение.

Она посмотрела на меня своими добрыми глазами и взволнованно сказала, положив свою руку на мою:

— Господь да благословит вас.

Я уже уходил, когда она сделала несколько шагов и сказала:

— Но не делайте ему слишком больно.

Впоследствии я узнал от князя Юсупова, что после моего доклада Государю Императору Императрица Мария Феодоровна поехала к Государю и объявила: «Или я, или Распутин», что она уедет, если Распутин будет здесь». [173]

Итак, во время аудиенции Мария Феодоровна попросила Родзянко предоставить ей документы, обличающие Распутина. Особенно её интересовало письмо Царицы, которое, как утверждал Родзянко, было у него на руках. В действительности, это могла быть только сфабрикованная копия в духе тех, что распространял Гучков. Но об этом Родзянко ничего не сказал, а предоставить документы ... почему-то отказался, возможно, просто не решился, понимая в глубине души всю их необоснованность. Другое объяснение — у Родзянко никаких документов просто не было. Впрочем, вряд ли удивишь этим читателя. В который раз неуловимые подлинники как по мановению волшебной палочки куда-то исчезают, ускользают, растворяются. Никто их никогда не видел. Зато все о них знают. Марии Феодоровне пришлось ограничиться переданной Родзянко устной информацией, т. е. клеветой на старца Григория и на Царствующую Императрицу Александру Феодоровну.

Если же у Родзянко действительно был подлинник письма Государыни к Григорию Ефимовичу и если действительно он знал, что распространяемые в обществе гектографические копии имели «извращённый вид», т.е. по сути являлись грязной подделкой, почему же он, Родзянко, монархист, как он себя выставлял, не опубликовал подлинники писем, не дал опровержения, не разоблачил авторов гектографических текстов? Ответ один. Он сам был в сговоре с этими авторами, и никаких подлинников у него не было. А если и был подлинный текст письма, выкраденный Илиодором в Покровском, то содержание этого письма само по себе разоблачало и его самого, и всех его подельников, как лжецов и политических спекулянтов. И то, и другое не позволяло Родзянко опубликовать письмо, и показать его Императрице-Матери.

Вдовствующая Императрица выразила надежду, что Родзянко, как человек благородный, преисполненный добрых намерений, уничтожит письмо, компрометирующее Венценосную супругу её сына-Императора.

Родзянко поспешил заверить Марию Феодоровну, что иначе и быть не может. Однако, в мемуарах, передав эпизод с «заверением», Родзянко, как хвастливая женщина, будучи не в силах сдержаться, чтобы не покрасоваться на публике, даже в ущерб собственной репутации тут же признаётся в том, что нарушил обещание, данное Императрице, и преспокойно оставил «письма» у себя. Не хранить данного слова, видимо, являлось характерной чертой Михаила Владимировича Родзянко. Например, он и не думает исполнять просьбу Государя о том, чтобы не говорить никому о данном ему поручении, разобраться в материалах Тобольского дела. Дав Царю слово о неразглашении, он тут же привлекает депутатов Гучкова и Шубинского к обработке секретно переданных ему материалов. Более того, по собственному признанию, Родзянко привлекает целый штат переписчиц, чтобы размножить эти материалы, не только не испросив позволения, но даже не поставив в известность своего Государя. Такова цена слова, данного Михаилом Родзянко. Впрочем, можно ли ожидать другого от предателя, не просто участвовавшего в заговоре против Царя, но являвшегося одним из важнейших политических звеньев всего механизма по Его свержению!

Наконец, М.В. Родзянко был принят Государем Императором Николаем II. Результаты его доклада с нетерпением ждали в Думе. В своих мемуарах Родзянко весьма подробно изложил это событие:

«26 февраля Государь назначил мне явиться в шесть часов вечера. Утром в этот день я ездил с женой в Казанский собор и служил молебен. Доклад мой продолжался в кабинете Государя около двух часов. Сперва я доложил текущие дела, коснулся положения артиллерийского ведомства под управлением в. к. Сергея Михайловича и сомнительной безопасности Кавказа под сомнительным управлением графа Воронцова-Дашкова, а потом перешёл к главному.

— Ваше величество, — начал я, — доклад мой выйдет далеко за пределы обыкновенных моих докладов. Если последует на то Ваше высочайшее разрешение, я имею в виду подробно и документально доложить Вам о готовящейся разрухе, чреватой самыми губительными последствиями...

Государь взглянул на меня с некоторым удивлением.

— Я имею в виду, — продолжал я, — старца Распутина и недопустимое его присутствие при дворе Вашего Величества. Всеподданнейше прошу Вас, Государь, угодно ли Вам выслушать меня до конца, или Вы слушать меня не хотите, в таком случае я говорить не буду.

Опустив голову и не глядя на меня, Государь тихо сказал:

— Говорите...

— Ваше Величество, присутствие при дворе в интимной его обстановке человека, столь опороченного, развратного и грязного, представляет из себя небывалое явление в истории русского царствования. Влияние, которое он оказывает на церковные и государственные дела, внушает немалую тревогу решительно во всех слоях русского общества. В защиту этого проходимца выставляется весь государственный аппарат, начиная с министров и кончая низшими чинами охранной полиции. Распутин — оружие в руках врагов России, которые через него подкапываются под церковь и монархию. Никакая революционная пропаганда не могла бы сделать того, что делает присутствие Распутина. Всех пугает близость его к царской семье. Это волнует умы.

— Но отчего же такие нападки на Распутина? — перебил Государь. — Отчего его считают вредным?

— Ваше Величество, всем известно из газет и из рассказов о том, что благодаря Распутину в Синоде произошёл раскол, и что под его влиянием перемещаются иерархи.

— Какие? — спросил государь.

— История Гермогена всех глубоко оскорбила, как незаслуженное оскорбление иерарха. У Гермогена есть много приверженцев. Я получил прошение ходатайствовать за него перед Вашим Величеством, подписанное десятью тысячами подписей.

— Гермогена я считаю хорошим человеком, — сказал Государь, — он будет скоро возвращён. Но я не могу не подвергнуть его наказанию, когда он открыто отказался подчиниться высочайшему повелению.

— Ваше Величество, по каноническим правилам иерарха судит собрание иерархов. Преосвященный Гермоген был осуждён по единоличному обвинению обер-прокурора, по его докладу, — это нарушение канонических правил.

Государь промолчал.

— История Илиодора тоже произвела тяжёлое впечатление. После расследования, назначенного Вашим Величеством, суд над ним был год тому назад прекращён. Теперь он без всякого суда заключён во Флорищеву пустынь, и это после его открытого выступления против Распутина. Подобным же образом пострадали: Феофан, который был лишен звания духовника императрицы и перемещён в Симферополь, и Антоний тобольский, первый указавший Синоду на Распутина, как на хлыста и потребовавший суда над ним. Его переместили в Тверь. Все, кто поднимает голос против Распутина, преследуются Синодом. Терпимо ли это, Ваше Величество? И могут ли православные люди молчать, видя развал православия? Можно понять всеобщее негодование, когда глаза всех раскрылись и все узнали, что Распутин хлыст.

— Какие у вас доказательства?

— Полиция проследила, что он ходил с женщинами в баню, а ведь это из особенностей их учения.

— Так что ж тут такого? У простолюдинов это принято.

— Нет, Ваше Величество, это не принято. Может быть, ходят муж с женой, но то, что мы имеем здесь, — это разврат. Позвольте прочесть вам, во-первых, письма его жертв, которые сперва попали в ловушку, а затем раскаялись в своем грехе. Вот письмо одного сибирского священника, адресованное некоторым членам Думы (я не хотел сказать, что Гучкову), в котором он умоляет довести до сведения начальства о поведении Распутина, о развратной его жизни и о том, какие слухи он распространяет о своём значении в Петербурге и при дворе. (Это письмо я прочёл целиком.)

Вот письмо, в котором одна барыня кается, что Распутин её совратил, нравственно изуродовал; отшатнулась от него, покаялась, и после этого она вдруг видит, что Распутин выходит из бани с её двумя дочерьми. Жена инженера Л. [*Лохтина*] тоже увлеклась этим учением. Она сошла с ума и теперь ещё в сумасшедшем доме. Проверьте, Ваше Величество...

— Я вам верю.

Я прочёл ему письма, выдержки из брошюры Новосёлова, я указал ему на впечатление, которое произвело запрещение писать о Распутине. Он не подходит под

категорию лиц, о которых нельзя писать, он не высокопоставленное лицо, не принадлежит к царской фамилии. Мы видим, что часто критикуют министров, председателей Думы и Совета, — для этого запрещения нет, — а о Распутине запрещено писать что бы то ни было. Это невольно вызывает мысль, что он близок к царской семье.

— Но отчего вы думаете, что он хлыст?

— Ваше Величество, прочтите брошюру Новосёлова: он специально занялся этим вопросом. Там есть указание на то, что Распутина судили за хлыстовство, но дело почему-то было прекращено. Кроме того, известно, что радения приверженцев Распутина происходили на квартире Сазонова, где Распутин жил. Позвольте вам показать вырезку из заграничной газеты, где сказано, что на съезде масонов в Брюсселе говорили о Распутине, как об удобном орудии в их руках. Интрига эта в связи с последующими обстоятельствами совершенно ясна. Дело идёт не только о троне и престиже царской семьи: ведь может быть и серьёзная опасность для Наследника.

— Как? — произнёс с волнением Государь.

— Ваше Величество, ведь при Наследнике нет серьёзного ответственного лица, при нём деревенский парень Деревенько — он, может быть, очень хороший человек, но это простой крестьянин — невежественные люди вообще склонны к мистицизму. Что если с Наследником случится что-нибудь? — это всех волнует... Обаятельный ребёнок, которого все так любят.

Государь, видимо, все время волновался. Он брал одну за другой папиросы и опять бросал.

Тогда я решил подойти с другой стороны и убедить Государя, что Распутин обманщик. Я показал ему фотографию Распутина с наперсным крестом.

— Вы видите, Ваше Величество, Распутин не иерарх; он здесь изображён как бы священником.

Государь на это сказал:

— Да, уж это слишком. Он не имеет права надевать наперсного креста.

— Ваше Величество, это кощунство. Он, невежественный мужик, не может надевать клобук, и, кроме того, это даётся при священстве. Вот другая фотография — «хлыстовский корабль», эта фотография была в «Огоньке», её видела вся Россия. Вот Распутин, окружённый молодыми девушками, а вот и мальчики, он среди них. Вот Распутин с двумя молодыми людьми: они держат доску, и на ней текст хлыстовский, а у Распутина в руках икона Божьей Матери хлыстовская. Корабль, ведущий к повальному греху.

— Что это такое? — спросил Государь.

— Прочитайте брошюру Новосёлова, которую я вам представляю. Вот его фотография, где Распутин с двумя женщинами и подписано: «Путь, ведущий к спасению». Ведь это соблазн. А запрещение писать о нём невольно возбуждает мысль, что царь — покровитель хлыстов. А если вспыхнет война? Где же престиж царской власти? Многие лица, близко стоящие ко двору, называются как приверженцы Распутина. Слухи о том, что высшее общество подпало влиянию Распутина как хлыста, даёт повод пренебрежительно относиться к этому обществу — это унижает общество, унижает двор. Несмотря на запрещение писать о нём, слухи и толки о Распутине с жадностью перепечатываются в провинциальных газетах.

— Читали ли вы доклад Столыпина? — спросил меня Государь.

— Нет, я знал о нём, но не читал.

— Я ему отказал, — сказал Государь.

— Жаль, — ответил я, — всего этого не было бы. Ваше Величество, вы меня видите крайне взволнованным, мне тяжело было говорить вам жестокую истину. Я молчать не мог, не мог скрывать опасности положения и возможности страшных последствий. Я верю, что Господь поставил меня посредником между царем и представителями народа, собранными по Его державной воле, и мой долг русского и верноподданного сказать вам, Государь: враги хотят расшатать трон и церковь и замарать дорогое для нас имя царя. Я всегда помню слова присяги: «О всяком же вреде и убытке Его Величеству своевременно извещать и предотвращать тщатися». Умоляю вас, во имя всего святого для вас, России, для счастья вашего наследства прогоните от себя грязного проходимца, рассейте мрачные опасения верных трону людей...

— Его теперь здесь нет, — произнёс Государь.

— Позвольте мне всем говорить, что он не вернется? Государь помолчал немного и сказал:

— Нет, я не могу вам этого обещать — вашим же словам верю вполне.

— Верите ли вы, Государь, что возбуждившие запрос [*запрос возбуждил личный враг Царя А.И. Гучков — прим. Сост.*] были движимы самыми верноподданническими чувствами и преданностью к престолу, что их побудили к тому те же чувства, которые заставили и меня вам докладывать?

— В вашем докладе я чувствовал искренность и верю Думе, потому что верю вам.

Мне хотелось узнать, остался ли доволен Государь моим докладом.

— Ваше Величество, — сказал я, — я шёл сюда, готовый понести кару в случае, если бы я имел несчастье разгневать Ваше Величество. Если я превысил свои полномочия, скажите слово, и я сниму с себя звание председателя Г. Думы. Я думал исполнить свой долг. Я считал своей прямой обязанностью довести всё до вашего сведения. Видя, какое волнение вызывает это дело в Думе, я не мог молчать своему государю.

— Я вас благодарю. Вы поступили как честный человек, как верноподданный.

— Ваше Величество, позвольте мне просить у Вас, в знак особой милости ко мне, счастья быть представленным Наследнику Цесаревичу.

— Разве вы его не знаете?

— Я никогда его не видал.

Государь велел позвать Наследника, и я представился ему как «самый большой и толстый человек в России», чем вызвал его весёлый смех. На мой вопрос, удачен ли был накануне сбор в пользу «колоса ржи», — этот удивительно симпатичный ребёнок весь просиял и сказал: «Да, я один собрал пятьдесят рублей», — это очень много.

Государь с доброй улыбкой смотрел на сына и добавил:

— Он целый день не расставался со своей кружкой. Здесь Государь встал и, протянув руку, сказал:

— До свидания, Михаил Владимирович.

И когда уходил, услышал громкий шепот Наследника: «Кто это?» и ответ Государя: «Председатель Думы».

Наследник выбежал за мной в переднюю и все время смотрел в стеклянную дверь. «Не простудитесь, — сказал я ему, — здесь дует». Он закричал: «Нет, нет, ничего». Рядом появился улыбающийся Деревенько, и я обратил внимание на всех выстроенных в шеренгу лакеев, солдат и казаков. С какой любовью они смотрели на Наследника.

Характерно, что старший камердинер Государя Чемодуров, провожая меня, сказал: «Ваше превосходительство, вы бы почаще приезжали к нам. У нас мало кто бывает, и мы ничего нового не знаем».

Я был растроган доверием к себе и терпением, с каким я был выслушан до конца, особенно после всех предупреждений: «Он не будет слушать, он заупрямится, он рассердится и т. д.» [174]

Описание высочайшего доклада во внешней его форме оставляет впечатление напористости, темпераментности, прямооты и простоты. Видно, что Михаил Владимирович сам себя считает исключительно правым, без тени сомнения. Это его главный аргумент. Таково общее впечатление. Но разберем по пунктам.

Основные аргументы Родзянко в пользу своей правоты: писания Новосёлова, компрометирующие фотографии, сведения от третьих лиц о развратном поведении, слухи о банях.

Исключительно верное замечание, а точнее невольное признание сделал Родзянко по поводу того, что всех пугает близость Григория Распутина к Царской Семье. «Это волнует умы», — многозначительно произнёс председатель Гос. Думы. В чем же причина? Оказывается, в том, что «Распутин — оружие в руках врагов России, которые через него подкапываются под Церковь и Монархию. Никакая революционная пропаганда не могла бы сделать того, что делает присутствие Распутина». Bravo, Михаил Владимирович! Совершенно точное понимание ситуации. Такое признание делает честь председателю Государственной Думы. Роковая неточность только в одном: не сам Григорий Распутин являлся оружием в руках врагов России, а та фантазмагорическая легенда, искусно сплетаемая вокруг его имени и его отношений с Царской Семьей, миф, рождённый, во всяком случае, широко озвученный, как раз с трибуны подведомственного Родзянко учреждения — Гос. Думы.

Вот так вкрадчиво, по-иезуитски осторожно, хитро, но совершенно безосновательно и голословно начинает Родзянко свою речь, видимо, стремясь уподобиться своему предшественнику на посту председателя Думы, великому демагогу и мастеру интриг Гучкову. То, что Распутин — оружие в руках врагов — это главный козырь, к нему скоро прибавится обвинение в шпионаже. Видимо, обвинений в «порочной связи» с Царицей, в «купании княжон» мало. «Церковные дела» — это: опала Феофана, назначение Саблера, ссылка Гермогена, и, кстати, Илиодора. «Государственные дела» — это, по всей видимости: балканский кризис, Столыпин. Скоро список пополнится. Все эти вопросы были уже разобраны в своём месте. И винить кого-либо, кроме самих указанных лиц, вряд ли стоит. Эта группа доводов Родзянко совершенно безосновательна, и даже несерьёзна.

Но кое о чём существенном красной Родзянко всё же проговорился, он не смог удержаться от того, чтобы не показать Государю «вырезку из заграничной газеты, где было сказано, что на съезде масонов в Брюсселе говорилось о Распутине, как удобном орудии в их руках». Михаилу Владимировичу, видимо, хотелось и самого Григория

Ефимовича отправить на этот съезд, обвинив его для пущей важности в принадлежности к масонству, но не решился, рассудив, что версия «германского шпиона» будет выглядеть правдоподобнее.

Но забыл рассказать Михаил Владимирович, о действительной связи депутатов Государственной Думы, находящихся под его началом, как председателя, с масонством, что деятельность оппозиционной Думы лежит в русле масонских интересов, и вполне соответствует той программе разрушения Православной Державы Российской, которая принята на масонских съездах. Не хватило ему искренней заинтересованности и честности, чтобы провести добросовестное, вдумчивое расследование событий вокруг старца Григория и вынести беспристрастное суждение относительно подлинных заказчиков травли Григория Распутина и дискредитации через него Царской Семьи, заказчиков, объединённых масонскими ложами. Не сказал Родзянко и о роли масонских прихвостней, ревностных исполнителей масонских программ, исполнителей, которые в основном и составляли думскую оппозицию. Не сказал Родзянко, что с думской оппозицией тесно смыкались и взаимопроникали многие представители российского общества от низших слоёв до высших, кто заинтересованно работал на уничтожение самодержавной православной России: и высокопоставленные вельможи, и царские министры, и представители Царской династии, военного ведомства, крупной оппозиционной буржуазии и купечества, дворянской земской оппозиции, наконец, представители всевозможных партий: кадеты, октябристы, эсеры, трудовики, меньшевики и проч., и проч., и проч. Не пояснил М.В. Родзянко, почему в качестве мишени для всеобщей атаки, координированной масонами, выбран именно Распутин — простой крестьянин, беззащитный и бесправный, на которого не опасно было клеветать. В дальнейшем практические действия в отношении Распутина будут отработаны на потомственном дворянине Мясоедове — пробном камне масонского заговора. С ним было слишком много возни: дуэли, судебные тяжбы, общественный резонанс и т. д. С Распутиным было попроще, без особых церемоний. Не пояснил Родзянко и то, почему революционную Думу так возмущала защита крестьянина Царём. «Безвольный» по их понятиям Царь вдруг оказал активное сопротивление их планам, спутывал карты, мешал безнаказанно клеветать на старца.

Ещё одно замечание по пункту обвинений, выдвинутых Родзянко, касающихся Лохтиной. Действительно, О.В. Лохтина для одних выглядела сумасшедшей, а для других её поведение казалось юродством. Но если она и в самом деле не закончила «психушкой», то в этом заслуга исключительно старца Григория. Дело в том, что на «юродство» Ольгу Владимировну «благословил» бывший иеромонах Илиодор, которого она очень почитала. Под его влиянием она и ушла из семьи. Григорий Ефимович был категорически против выбора Лохтиной, считал, что она должна прекратить юродствовать и вернуться в семью. Именно этим вызвано его подчас трудно скрываемое возмущение выходками Лохтиной, в такой гротескной форме описанное многими очевидцами, склонными к чрезмерно ярким, фантазмагорическим зарисовкам действительности — но они не понятны, если не знать подоплёки. А зная её, легко понять, что реакция Григория Ефимовича на Ольгу Владимировну вполне оправдана тем, что Лохтина, будучи в прелести, могла погибнуть, если бы до конца пошла по пути, на который её направил лже-старец Илиодор, которого, кстати, очень почитал Родзянко, если верить его мемуарам. Здесь можно только

подивиться терпению Григория Ефимовича, который, как истинный старец Божий не оттолкнул несчастную, но принял участие в её судьбе.

Какие ещё веские аргументы приводит Родзянко? Ну, например, бани. Да, вопрос серьёзный, если рассматривать его поверхностно, на поверку же и выеденного яйца не стоит. Учитывая особый интерес к этому вопросу со стороны многих, в том числе нынешних, оппонентов Григория Распутина, признаём, что этот вопрос всё же требует отдельного рассмотрения, и ему ещё будет уделено место в нашей книге.

Что же касается утверждения Родзянко о том, что Распутина судили за хлыстовство — это очевидная ложь. Родзянко имел в виду «Тобольское дело», о котором он до момента, когда дело было ему передано по высочайшему распоряжению, знал только понаслышке или в передаче Новосёлова. Ложью является заявление о том, что дело о хлыстовстве было прекращено. Дело не было прекращено, а зашло в тупик за отсутствием улики. А это разные вещи. Как минимум Родзянко передёргивает факты. Дело действительно будет прекращено только в конце 1912 года с вынесением оправдательного вердикта.

Ещё одно замечание — по поводу «радений на квартире Сазонова» — всё та же ложь, подобно выше приведённым утверждениям Софьи Тютчевой, что радения происходили и в самом царском дворце. Родзянко не может удержаться, чтобы не прибегнуть к откровенным грязным сплетням. Даже Э. Радзинский, которого трудно заподозрить в симпатии к Распутину, и у которого не видно никакого желания выставить Распутина праведником, всё же представил его друга, Георгия Петровича Сазонова, редактора журнала «Экономия России» (по данным Платонова), как вполне добропорядочного христианина. Радзинский привёл в своей книге его показания, в которых проступает достойный уважения нравственный облик Г.П. Сазонова. Из тех же показаний следует, что Григорий Распутин в период знакомства с семьёй Георгия Петровича проводил, мало сказать, пристойный образ жизни, но был образцом благочестия для окружающих (см. выше в тексте настоящей книги).

Относительно взаимоотношений старца Григория с семьёй Сазоновых особенно циничными выглядят грязные намеки полицейских агентов, основанные на их домыслах и предположениях (только лишь), что жена Сазонова была в связи с Григорием Распутиным. Появление таких предположений было вызвано теми же причинами, что и клевета на Царицу и даже её Дочерей.

Фотографии в монашеском облачении приводит Родзянко, как пример кощунства. Но в чём же кощунство, одеть наперсный крест, если это подарок Царя и Царицы? Григорий Ефимович никогда принародно не щеголял этим подарком, хотя и носил его всегда на золотой цепочке, но скрытно, как это видно даже на некоторых опубликованных фотографиях. Сделаем упор на другом. Где же сами фотографии, где Распутин в монашеском облачении, что подразумевает ношение монашеского клобука? Таких фотографий нет, их никто никогда не видел. А подрясник без клобука старец Григорий мог надеть, поскольку был послушником в монастыре.

По поводу фото Распутина в окружении братцев-хлыстов, держащих какие-то лозунги. Если Гучков использовал для дискредитации копии несуществующих, либо грубо искажённых, т.е. фальсифицированных писем, то уж таким мощным орудием фальсификации, как фотографии, вряд ли стали бы пренебрегать, а подделать их

опытному фотографу труда не составляло. Однако, ни в материалах следственной комиссии, ни в многочисленных публикациях, нигде и никогда «хлыстовские» фото не фигурировали. Также, как и «признание» мамыши и её дочек, вышедших в сопровождении Распутина из бани, и которых он, якобы, растлил. Где эти свидетельства из первых уст, хотя бы подлинники писем или заявлений? Их нет, и никогда не было. Цена всем этим заявлениям Родзянко такая же, как и гектографическим копиям Гучкова.

Какой невероятный психологический пресс должен был испытать Государь Император Николай II, выслушав одну за другой обвинительные речи против Распутина одних из самых высокопоставленных чиновников. Эффект был усугублён и тем возмущением Императрицы-матери, которое она высказала своему сыну и которое было внесено в её душу стараниями Родзянко и Коковцова. Именно к этому моменту времени относится следующий эпизод, о котором свидетельствует М.В. Родзянко: «Впоследствии я узнал от князя Юсупова, что после моего доклада (26 февраля) Государю Императору Императрица Мария Феодоровна поехала к Государю и объявила: «Или я, или Распутин», что она уедет, если Распутин будет здесь». [175]

Как же отреагировал Государь Император Николай II на горячую речь председателя Гос. Думы? Государь Император Николай II отличался несомненным благородством, которое, проявлялось в необыкновенно добром расположении к людям, доверии к ним. Это исключительная черта христианина. Государь как бы принимал мнение человека, полагая, что оно высказано искренне из лучших побуждений, на пользу дела. Вот это безграничное доверие, доброта часто создавали эффект податливости, уступчивости и мягкости. Первая, внешняя реакция являлась следствием деликатности, воспитанности, искреннего уважения к человеку и доверия ему. Государь мужественно принимал то, что ему говорили, отмечая лукавство и недобросовестность. Чтобы сохранить спокойствие и принять к всестороннему беспристрастному рассмотрению слова оппонента нужно и мужество, и терпение, и смирение, и духовная сила. Но далее Государь оставлял за собой право на столь же беспристрастное, честное осмысление преподносимых ему сведений. И вот конечный вывод, последующие решения и действия являлись следствием не первой реакции и впечатления, но глубокого раздумья, взвешенного анализа, нравственной работы души, проверки совести. Каковы были конечные выводы и действия Государя будет ясно из дальнейшего изложения последующих событий.

Есть и ещё одна причина столь деликатного обращения Государя в разговоре с Родзянко. Дело в том, что, как следует из дальнейшего материала, Родзянко отличался настолько экстраординарной манерой поведения, что его можно было бы принять за психически больного человека. Вряд ли столь яркая поведенческая особенность камергера двора была скрыта от Николая II. Известно, что с душевнобольными людьми требуется крайне спокойное обращение, в котором должна быть исключена любая форма возражения. Иначе непредсказуемость реакции может превзойти все ожидания. Так и строил свой разговор с Родзянко Государь Император Николай II. Он беседовал с ним, как опытный врач психиатр с пациентом психиатрической клиники.

Если верить Родзянко, Государь был подавлен и самой информацией, и тем напором, с которым она была преподнесена, однако, как всегда по своему обычаю внешне сохранил полную выдержку и спокойствие. Родзянко пишет:

«28 февраля утром мне из Царского Села позвонил по телефону дворцовый комендант генерал-адъютант В.Н. Дедюлин и просил заехать к нему на городскую квартиру его. С Дедюлиным мы были старые школьные товарищи и друзья, почему разговор наш носил интимный характер.

Дедюлин сообщил мне следующее: «Стало известно, что после твоего доклада государь почти не прикасался к еде за обедом, был задумчив и сосредоточен. На докладе моём на другой день я позволил себе спросить его: «Ваше Величество, у вас с докладом был Родзянко. Кажется, он очень утомил вас?» Государь ответил: «Нет, нисколько не утомил. Видно, что Родзянко верноподданный человек, не боящийся говорить правду. Он сообщил мне многое, чего я не знал. Вы с ним товарищи по корпусу, передайте ему, чтобы он произвёл расследование по делу Распутина. Пусть он из Синода возьмёт все секретные дела по этому вопросу, хорошенько всё разберёт и мне доложит. Но пусть об этом пока никто не будет знать»».

[Обратите внимание, читатель, на последнее предложение, где изложена просьба Государя о конфиденциальности поручения. Обратите внимание также и на следующую фразу, где говорится о том, как Родзянко исполнил высочайшую просьбу — Ю.Р.]

Я был поражён этим известием и вечером того же дня собрал члена Гос. совета В.И. Карпова и депутатов: Каменского, Шубинского и Гучкова. Мы до поздней ночи обсуждали, как лучше поступить. На другой день я вызвал Даманского, товарища обер-прокурора, в Думу с тем, чтобы он привёз требуемое дело». [176]

О поручении Государя передает и С.С. Ольденбург: «Государь 26 февраля поручил председателю Гос. Думы Родзянко проверить эти обвинения [*против Григория Распутина*], которые сам Он, особенно в отношении хлыстовства, считал слабо обоснованными, тогда как Государыня вообще видела в них сплошную клевету». [177]

Повеление, сделанное Государем, как и его реакция на доклад Родзянко, ещё раз позволяет увидеть необыкновенные качества души Императора Николая II. Зная отношение Михаила Родзянко к Григорию Распутину, вновь можно подивиться смелости и открытости Государя. Он верил в людей, в их искренность и здравомыслие. А потому, он принял решение поручить яркому противнику старца Григория самому убедиться в справедливости того, что Божий человек заслуживал любовь и доверие Венценосной Четы Русских Самодержцев.

Государь затребовал из Синода материалы Тобольского расследования о принадлежности крестьянина слободы Покровской Григория Распутина-Нового к секте хлыстов и поручил Дворцовому коменданту, генерал-адъютанту В.А. Дедюлину, передать Родзянко повеление по рассмотрении материалов дела представить его личное заключение. Подчеркнём ещё раз, что Государь поступил так намеренно, так как, несомненно, сам был знаком с материалами дела, которые однозначно доказывали, что все возводимые обвинения на Григория Ефимовича совершенно беспочвенны. Внимательное ознакомление с документами всякого добросовестного, честного человека не могло убедить в обратном: Григорий Распутин, по меньшей мере, — православный христианин, добрый сын Матери-Церкви, глубоко верующий и благочестивый человек.

Задача Дедюлина заключалась только в передаче на словах повеления Государя Императора. Тогда как само «Дело Тобольской Консистерии» было передано Родзянко

товарищем обер-прокурора П.С. Даманским. Заслуживает внимания сам эпизод передачи дела в изложении Родзянко.

«Даманский явился. Я решил представиться ничего не знающим, чтобы лучше всё выпытать от Даманского. Это очень ловко удалось. Он выболтал всё, что надо было знать. Стараясь убедить меня в чистоте и святости Григория, он сказал, что многие почтенные и видные лица уважают старца и любят с ним беседовать; назвал много имен и подтвердил многие данные, переданные мне раньше разными лицами. Сказал, что Распутин живёт у Сазонова, почтенную семью которого он, Даманский, знает хорошо, что там бывают: гофмейстер Танеев, генеральша Орлова, «такой уважаемый человек», как епископ Варнава, графиня Витте и многие другие. На всё это я выражал удивление и поддакивал. Даманский держал всё время портфель в руках и доказывал мне, что никакого значения это дело не имеет и не стоит его смотреть. Расписывая далее добродетели старца, Даманский выражал негодование на все сплетни и клевету, которые распускаются всюду про него:

— Говорят, что он хлыст, развратник, и даже дошли до того, что будто бы императрица Александра Феодоровна живёт с ним ...

Здесь я ударил кулаком по столу, встал во весь рост, сбросил наивный вид, сделал свирепое лицо и закричал так, чтобы рядом было слышно:

— Вы, милостивый государь, с ума сошли! Как вы смеете говорить при мне подобную гнусность. Вы забываете, про кого и кому вы это говорите!.. Я вас слушать не желаю.

[Наше предположение относительно мотивов подчёркнуто милостивого обращения Государя Николая II с камергером Родзянко в момент высочайшей аудиенции находит своё подтверждение. Компонент параноидального бреда в поведении Родзянко налицо: навязчивая идея, приводящая к внутреннему беспокойству, волнение, перерастающее в возбуждение, агрессивность, буйство, непредсказуемое поведение вышедшего из себя параноика — Ю.Р.]

Мой гнев для него был так неожидан, что он побледнел, согнул спину и стал извиняться. Его грязная цель понятна: он вообразил, что одурачил меня, хотел вызвать меня на скользкий путь сплетен, услышать от меня какие-нибудь сальные подробности и передать кому следует. Он был уверен, что я, удовлетворяясь его объяснениями, дела совсем не возьму, и был поражен, когда я решительным жестом взял папку у него из рук, запер в стол и положил ключ в карман со словами:

— По приказанию Государя Императора я подробно ознакомлюсь с этим делом и вас извещу.

Получив нужные документы, я немедленно засадил всю канцелярию, всех присяжных переписчиц за копирование дела в полном его объеме, и вместе с начальником думской канцелярии Я.В. Глинкой мы составили план работ по столь щекотливому делу».

[178]

Ещё раз обратим внимание на то, как Родзянко исполнял высочайшую просьбу о том, чтобы никто не знал о данном ему поручении.

Передавая дело Родзянко, Государь вступил с ним в честный поединок, рассчитывая на благородство соперника. Как пишет В.Н. Коковцов: «Передавая дело и

высочайшее повеление Родзянко, Дедюлин прибавил на словах, что Государь уверен, что Родзянко убедится в ложности всех сплетен и найдёт способ положить им конец». [179]

Однако, эпизод с передачей дела даёт ясное представление о настроении Родзянко, поэтому неудивительно, что «результат оказался совершенно противоположным тому, на что надеялся Государь». Уже одно то, что Родзянко привлёк к ознакомлению с делом депутатов Шубинского и Гучкова, свидетельствует об идеологических предпочтениях самого Родзянко, о предвзятости, о неискренности его желания узнать правду, «и они втроём стали изучать дело и составлять всеподданнейший доклад». [180]

Впрочем, сказано слишком мягко. Данный эпизод может служить хрестоматийным примером лживости, подлого двуличия, гадкого лицемерия, отвратительного фарисейства и непревзойдённого позёрства, явленных человеком, назначенным монаршей волей на высокий государственный пост, и всемерно и всеусердно использовавшим своё положение не для исполнения монаршей воли, а для исполнения своей собственной воли, направленной, по сути, на противодействие «обожаемому» на словах Монарху.

Узнав, что к подготовке доклада по Тобольскому делу Родзянко подключил Гучкова, и заранее предвидя результат, Государыня попыталась прекратить бесполезное с её точки зрения занятие, которое ничего, кроме очередного глумления над их Другом и болезненных скандалов принести не могло. Как показало время, Александра Феодоровна была в высшей степени права. Родзянко, конечно, было глубоко плевать на переживания Государыни. В самых отвратительных красках представил он попытку бедной Александры Феодоровны вступить за честь Друга и вырвать из рук злодеев Тобольское дело. Родзянко пишет с упоением: ни капли жалости, ни желания понять мотивы несчастной Государыни Императрицы, одно злорадство, жестокость и глумливое самодовольство:

«На другой же день Даманский по телефону потребовал от меня частной беседы у меня на квартире. Я сразу понял, что здесь готовится подвох, и ответил ему, что в служебных делах я не признаю частных бесед и прошу его пожаловать в три часа в мой кабинет — в Г. Думу, и сразу же повесил трубку во избежание ненужных объяснений.

Когда я приехал в Думу, то Даманский был уже там, но, к моему немалому удивлению, его сопровождал протоиерей Александр Васильев, законоучитель Царских детей. Такое появление отца протоиерея меня немало удивило, и, догадываясь, что на меня готовится какой-то натиск, я решил разъединить их. Я рассадил их по разным кабинетам.

Первая моя беседа была с Даманским, который заявил мне, что он имеет поручение получить обратно всё дело о Распутине. Я выразил удивление такому требованию и сказал, что раз состоялось высочайшее повеление по данному делу, то оно может быть отменено только таким же путем — высочайшим повелением, или словесно переданным через генерал-адъютанта или статс-секретаря, или же письменным повелением. Тогда Даманский, несколько волнуясь, путаясь и понизив голос, стал мне объяснять, что высочайшего повеления он не имеет, но что этого требует одно очень высокопоставленное лицо.

— Кто же это? Саблер? — спросил я.

— Нет, повыше, — махнув рукой, ответил Даманский.

— Да кто же? — сказал я, делая удивленное лицо. Помявшись немного, Даманский отвечал:

— Императрица Александра Феодоровна.

— В таком случае, передайте Её Величеству, что она такая же подданная своего Августейшего супруга, как и я, и что оба мы обязаны в точности исполнять его повеление. А потому я её желания исполнить не могу.

— Как, — воскликнул недоуменно Даманский, — я должен ей это передать? Но ведь она этого хочет.

— К сожалению, — ответил я, — я её желание всё-таки исполнить не могу, — и, ввиду попыток Даманского убедить меня, я прекратил с ним разговор.

Затем я вызвал отца Васильева. Он передал мне, что Императрица Александра Феодоровна поручила ему высказать мне своё мнение о старце:

— Это вполне богобоязненный и верующий человек, безвредный и даже скорее полезный для царской семьи.

— Какая же его роль особенно по отношению к детям в Царской семье?

— Он с детьми беседует о Боге, о вере. Меня эти слова взорвали:

— Вы мне это говорите, вы, православный священник, законоучитель Царских детей. Вы допускаете, чтобы невежественный, глупый мужик говорил с ними о вере, допускаете, чтобы его вредный гипноз влиял на детские души? Вы видите роль и значение в семье этого невежественного сектанта, хлыста, и вы молчите. Это преступное попустительство, измена вашему сану и присяге. Вы всё знаете и из угодливости молчите, когда Бог вам дал власть, как служителю алтаря, открыто бороться за веру. Значит, вы сами сектант и участвуете в сатанинском замысле врагов царя и России — забросать грязью престол и церковь ...

Несчастный священник был страшно поражён моими словами, бледнел и дрожащим голосом сказал:

— Никто никогда не говорил со мной так, как вы. Ваши слова открыли мне глаза. Скажите, что я должен делать?

— Идите и скажите от моего имени Царице, что, если она не хочет губить мужа и сына и расшатать престол, она должна навсегда прогнать от себя этого грязного хлыста. Положение серьёзное: никакая революционная пропаганда не могла бы сделать более вреда монархии и более уронить достоинство царского дома. Если вы опять будете молчать и не откроете всю правду, — крест, который вы носите на груди, сожжёт вам душу и сердце.

Он потом говорил Волконскому: «Я трепещущий вышел от председателя и почувствовал, сколько в его словах силы и истины».

Впоследствии мне сообщили, что священник Васильев всё передал Императрице в исковерканном виде, ещё более восстановив её против меня. Он поддерживал её в увлечении Распутиным и, одним словом, играл всё ту же двойственную роль». [181]

Интересно сопоставить воспоминания Родзянко с той информацией, которую быв. председатель Гос. Думы выложил на допросе в Ч.С.К., (1917 г.). Оба варианта не противоречат друг другу, доказывая, казалось бы, то, что в памяти Михаила Владимировича, прочно напечатлелись события тех дней, и воспоминаниями о них он жил всю последующую жизнь. Однако, зная всю подоплёку событий, невольно приходишь к

выводу, что нижеприведённое описание является всего лишь ярким свидетельством того, насколько прочна была идеологическая установка, которой вынужден был следовать бывший председатель Гос. Думы, и которой он не имел права изменять, даже если бы пожелал этого. Он должен был отрабатывать кредит лояльности и всяческой поддержки, выданные ему братьями-масонами для успешной политической карьеры. Его политические предпочтения и тесное общение с откровенно масонским контингентом политиков из числа членов Гос. Думы, невольно наводит на мысль, что и сам он являлся активным членом масонской ложи, принёсшим ритуальную клятву. Хотя в исторических источниках подтверждения тому, похоже, не обретаются, дела обнажают политические симпатии М.В. Родзянко.

Вот, что Родзянко рассказал на допросе:

«Первый мой доклад был по поводу Распутина. Это распутинский доклад, когда мне через генерал-адъютанта Дедюлина было прислано указание, взять доклад из Святейшего Синода, ознакомиться с ним, рассмотреть его и доложить о том, какое моё мнение о Распутине. Когда я получил это указание, я потребовал товарища обер-прокурора Синода Даманского и попросил дело привезти. Он мне привез это дело. Затем, на другой день, он мне звонит по телефону и говорит, что ему необходимо меня видеть. Я отвечаю:

— Приезжайте в кабинет. — Так как Даманский и Распутин мне были подозрительны, то я пригласил его в Думу и пригласил также и секретаря. Даманский говорит:

— Я приехал к вам просить, чтобы вы отдали секретное дело Распутина.

— Пожалуйста. А высочайшее позволение у вас есть?

— Нет, у меня нет.

— Так как же я вам отдам? Я его только что взял и должен приготовить доклад, очень важный, исторический. Может быть, можно что-нибудь из этого извлечь такое, что Распутин уничтожит.

— Нет, у меня высочайшего повеления нет.

— Тогда прощайте.

— Это очень высокопоставленное лицо просит.

— Вам он начальник, а мне он что?

— Неужели вы не догадываетесь кто?

— Не догадываюсь.

— Государыня Императрица.

— Передайте императрице, что она такая же подданная государя, своего супруга, как я, и должна подчиниться. Она может только повлиять и получить отмену. Тогда я подчинюсь, а теперь мне нет дела до её желаний.

— Ах, как вы это говорите! Вы знаете, на кого вы посягаете?

— Я посягаю на Распутина. Если императрица заступается, это её дело, и меня это не касается.

— Ваше превосходительство, я с собою привёз законоучителя. — Я говорю:

— Какого? Я из этого возраста вышел.

— Нет, законоучителя детей Императора.

— Какое же мне дело до педагогики?

— Он вам всё расскажет.

— Хорошо, привезли, так, чтобы недаром приезжал в Государственную Думу, просить его в другой кабинет. — Оказалось, что это протоиерей А. Васильев. Он начал мне говорить:

— Вы напрасно нападаете, вы не знаете, какой прекрасный человек Распутин. — Я до того разозлился, до того взбесился, что говорю:

— Как, вы сюда, в Государственную Думу, приехали хвалить Распутина, негодяя, развратника, хлыста! Вон из моего кабинета!

— Ваше превосходительство, я никогда не слыхал, чтобы со мной так говорили.

— Ну и прекрасно, ну и убирайтесь!

Я, конечно, это дело не отдал, но, умудрённый опытом, призвал массу переписчиц и с этого дела снял копии на всякий случай, потому что иначе, если отымут, то у меня не будет материала и всякий бы назвал меня глупцом, если бы я это упустил. Однако, больше ко мне не приставали». [182]

Как уже было сказано, в подготовке доклада Родзянко активно помогали депутаты Гучков и Шубинский. Об этом же засвидетельствовал и В.Н. Коковцов в своих воспоминаниях. Там же можно найти интересные дополнения относительно подготовки доклада Родзянко. Коковцов в частности пишет: «Ни дела, ни доклада я не видел, но шума и пересудов около них было много. Родзянко рассказывал направо и налево о возложенном на него поручении и, не стесняясь, говорил, что ему суждено своим докладом спасти Государя и Россию от Распутина, носился с этим «поручением», показал мне однажды две-три страницы своего чернового доклада, составленного в самом неблагоприятном для Распутина смысле, и ждал лишь окончательной переписки его и аудиенции у Государя.

Под влиянием всех рассказов Родзянко толки и сплетни не только не унимались, но росли и ширились. Приближалось обсуждение в общем собрании [*Думы*] бюджета на 1912 год, и опять распутинский вопрос встал во весь рост». [183]

Царь доклада Родзянко ещё не видел и, соответственно, не мог вынести своего суждения по его поводу, поскольку для изучения материалов Тобольского дела требовалось достаточно много времени. Однако, всем заинтересованным лицам очень не терпелось взорвать ситуацию, Как пишет Коковцов, чтобы поставить вопрос о Распутине на повестку дня заседания Гос. Думы, особенно усердствовали депутаты Гучков, Владимир Львов, Милюков, Сергей Шидловский и многие другие. [184]

9 марта 1912 г. на очередном заседании Гос. Думы при обсуждении вопроса по смете Св. Синода депутат Гучков в унисон с Родзянко, достигнув непревзойденных высот в искусстве остроумия, демагогии и иезуитского коварства, произнёс речь, направленную против, как считалось, «ставленника Распутина» обер-прокурора Св. Синода В.К. Саблера. В этой речи Друг Царя и Царицы преподнесён депутатской публике, как... Гучков сказал:

«Хочется говорить, хочется кричать, что церковь в опасности и в опасности государство... Вы все знаете, какую тяжёлую драму переживает Россия... в центре этой драмы — загадочная, трагикомическая фигура, точно выходец с того света или пережиток темноты веков, странная фигура в освещении XX столетия... Какими путями этот человек достиг центральной позиции, захватив такое влияние, перед которым склоняются высшие

носители государственной и церковной власти? Вдумайтесь только — кто же хозяйничает на верхах, кто вертит ту ось, которая тащит за собою и смену направления, и смену лиц, падение одних, возвышение других?.. — Гучков говорил далее [*продолжает своими словами С.С. Ольденбург*] про «антрепренеров старца», «суфлирующих ему то, что он шепчет дальше», и закончил речь резким выпадом против Саблера.

Эта речь произвела в Думе большое впечатление. Только Н.Е. Марков тут же с места отважился крикнуть: «Это — бабьи сплетни!» Обер-прокурор В.К. Саблер ответил Гучкову с большим достоинством: «Когда к врагам Церкви примыкают люди, которые в загадочной форме выступают с обвинениями, я им прямо скажу, что они неправы. И по той простой причине, что эта таинственная загадочность неопределённых речей значения серьёзных аргументов не имеет. Обер-прокурор Синода знает свой долг... Чувство сознания своих обязанностей перед Царём, перед св. Церковью и Родиной всегда будут ему присущи, а таинственные неопределённые обвинения его никогда не страшат». [185]

Выступление Гучкова укрепило Родзянко в его намерениях представить доклад, направленный против Распутина, Государю. Выстраиваемая последовательность событий должна была способствовать достижению максимального эффекта: выступление Гучкова в Думе предвещало высочайший доклад Родзянко. Родзянко, намереваясь окончательно сломить волю Самодержца и одержать полную победу над ненавистным старцем, «послал Государю письменную просьбу о приёме по текущим делам Думы». Прошло достаточно времени, но никаких распоряжений из Царского Села не поступало, Государь хранил молчание. Сгорая от нетерпения, и заподозрив неладное, Родзянко в первых числах марта отправился к Коковцову, чтобы пожаловаться на невнимание Государя и спросить совета Коковцова, как ему поступить.

«Каково же было моё удивление, — пишет В.Н. Коковцов об этой встрече, — когда в самом разгаре нашей беседы мне подали большой пакет от Государя, привезённый фельдъегерем в неурочный, слишком поздний час. Вскрыв его, я нашёл среди ряда возвращённых мне утверждённых всеподданнейших докладов письменное прошение Родзянко об аудиенции с длинной, карандашом написанной резолюцией Государя самого резкого свойства. Родзянко не заметил моего смущения. Я спокойно отложил все бумаги в сторону и продолжал беседу с ним. Вскоре он уехал, явно успокоившийся.

Я был просто ошеломлён резолюцией Государя. Вот она дословно: «Я не желаю принимать Родзянко, тем более, что всего на днях он был у меня. Скажите ему об этом. Поведение Думы глубоко возмутительно, в особенности отвратительна речь Гучкова по смете Св. Синода. Я буду очень рад, если моё неудовольствие дойдёт до этих господ, не всё же с ними раскланиваться и только улыбаться». [186]

Вот подлинный ответ Государя Императора Николая II на все речи противников старца Григория и на жалкие потуги М.В. Родзянко.

Однако, Родзянко не успокаивался. Согласно его воспоминаниям, Коковцов, по совету самого же Родзянко, смог уговорить Государя написать председателю Думы записку, текст которой был составлен премьер-министром. Этот текст Коковцов приводит в книге своих воспоминаниях: «У меня решительно нет свободной минуты перед отъездом. Прошу Вас прислать мне все ваши доклады. Я приму вас по возвращении». [187]

Несколько по-иному текст записки, составленной Коковцовым, звучит в воспоминаниях Родзянко, однако смысл тот же. Родзянко пишет: «Коковцов посоветовал [Государю] написать собственноручное письмо, и на другой день я получил его со следующим содержанием: «Не имея времени перед отъездом в Крым принять вас, прошу доставить письменный доклад». <...>».

Я тотчас же принялся за составление письменного доклада, в чём мне особенно помогал В.И. Карпов и начальник канцелярии Думы Я.В. Глинка.

Доклад вышел убедительный, в особенности в заключении, где говорилось о том, какие надо принять меры для успокоения взволнованного общества и упорядочения церкви. Вернуть Гермогена, выгнать Распутина и созвать собор. Во время составления доклада ко мне от лица Гермогена явился Родионов, чтобы передать, что он знает о моём разговоре с царем в защиту православия, что посылает своё благословение, молится за меня и просит и впредь крепко стоять за веру православную». [188]

Канва событий, воспроизведённая по воспоминаниям Родзянко и Коковцова, не противоречит тому, что Родзянко рассказал в 1917 г. на допросе в Ч.С.К.:

«Я закончил обследование дела, написал доклад и потребовал [выделено с целью обратить внимание читателя на тон, с каким верноподданный обращался к своему Императору] аудиенции. Проходит день, два, три, нет ответа, а я знаю, что Император должен уехать в Ялту. Ко мне приезжает мой приятель, бывший флигель-адъютант, который дежурил, и говорит:

— Ты знаешь, тебя не примут.

— Очень огорчён, но меня не могут не принять.

— Нет, я слышал. — Получилось так: когда председатель Думы докладывает резко и с кучей документов (между прочим, там такая подробность была: фотография Распутина в монашеском клобуке и с наперсным крестом), без всякой моей просьбы получает высочайшее повеление сделать дознание по секретному делу, а когда я готов, меня не хотят принять. Не хотели понять, что я не сам по себе, а что за каждым моим действием 400 человек Думы следят.

[Весьма интересное признание! В своих неприкрытых откровениях Родзянко бывает просто неподражаем. Это к вопросу о данном Государю слове не привлекать третьих лиц, и держать всё в тайне. Но какие могут быть тайны от братьев-масонов? — Ю.Р.]

Я еду к Коковцову, который был премьером, и говорю:

— Владимир Николаевич, я вас прошу, когда вы поедете в Царское, то вот какое дело. Получается щекотливое положение.

— Нет, вы напрасно, вас, наверное, примут. Не может быть, чтобы председателя Думы не приняли, это невозможно. — В это время стучат в дверь. Является курьер, от Его Величества пакет. Я говорю:

— Вы читайте, а я уйду в другую комнату. — Не успел я дойти до двери, как Коковцов говорит:

— Пожалуйста, это касается вас, вы были правы. Здесь на моём докладе написано: «Прошу председателя Совета Министров сообщить председателю Государственной Думы, что он принят не будет. Считаю необходимым обратить внимание ваше на то, что подобные выходки, которые имели место в Государственной Думе, терпимы быть не

могут, и прошу вас войти в соглашение с председателем Государственной Думы и выработать меры к их пресечению». Так мы и сели. Я говорю:

— Ну что?

— Вы были правы. Что же вы намерены делать?

— Я вам напишу письмо об этом.

— Вы не трудитесь, так как я письмо пошлю обратно, потому что председатель Государственной Думы от Государя через полицию никаких известий получать не может. А если всё-таки не примут?

— Тогда я выйду в отставку с изложением причин. Как так? Он меня вызывал на доклад, а потом меня не принимает?

— Ну, дайте совет.

— Телеграфируйте сейчас же в Царское Село, поезжайте, доложите государю то, что я вам сказал. Я желаю получить личное письмо от Его Величества с объяснением этого обстоятельства. Без такого письма я не останусь председателем и уйду. — Подумали, подумали, и Коковцов отправил телеграмму, а я уехал. На другой день получаю от Его Величества письмо, в котором он очень извиняется, что не мог меня принять, потому что был занят, и просит прислать письменный доклад. Коковцов у него был и ему доложил». [189]

Письменный ответ Государя – это пилюля тяжелобольному человеку. Государь продолжает по отношению к Родзянко линию опытного психотерапевта, не провоцируя его на обострение заболевания. Однако невероятная выдержка Государя и его внешнее спокойствие дались ему далеко не просто, о чём можно судить по следующему отрывку из книги С.С. Ольденбурга: «После выступления Гучкова, Государь не захотел принять Родзянко, письменный доклад которого Он прочёл, — и нашёл совершенно не доказательным. «Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен, выдумок и злобы», — тогда же сказал Государь В.Н. Коковцову». [190]

Завершая рассказ о своём докладе, Родзянко пишет:

«Я свой доклад послал, а затем Коковцов уехал через две недели в Ялту, и я просил его проследить, где мой доклад. Когда Коковцов вернулся, я спрашиваю, где доклад. На это он мне говорит:

— Мне камердинер говорил, что Его Величество, кроме «Ялтинского листка», ничего не читал, что от председателя Государственной Думы толстый пакет уже две недели лежит, и он его не трогает». [191]

Коковцов объяснил свои действия тем, что стремился смягчить ситуацию и не допустить назревавшего конфликта между Гос. Думой в лице её председателя и Царём, поскольку знал, что в Думе вот-вот должно состояться обсуждение «Морской программы», в продвижении которой был крайне заинтересован Государь. Однако, история с докладом Родзянко недвусмысленно обнажает симпатии Коковцова и с очевидностью доказывает, что Коковцов в вопросе о Распутине принял сторону Родзянко, поддерживал Родзянко, старался смягчить, прежде всего, для Родзянко остроту ситуации, чтобы не допустить закрытия Думы, взявшей курс на конфронтацию с Царским правительством, не допустить решительных действий Государя, а вдруг Царь эту Думу в очередной раз разгонит. Поведение Коковцова напоминает соглашение с предводителем

крайне полевевшей Думы, деятельность которой всё более и более набирала обороты в сторону революции.

Безусловным лидером, хотя и неформальным, оппозиционной Думы оставался предприимчивый, бесстрашный и напористый Гучков. В своей деятельности против Распутина он не мог не чувствовать незримую поддержку и одобрение. Выпад Гучкова против Саблера был хорошо рассчитан, поскольку за спиной Гучкова стояли Вел. князь Николай Николаевич и его помощники — В.Н. Орлов и А.В. Кривошеин — выразители чаяний «прогрессивной общественности». Этот политический блок в конечном итоге и привёл к отстранению Саблера и замене его Самариным, по настойчивому желанию всё тех же деятелей. К ним примыкали многочисленные, но менее значимые, второстепенные по своему положению и влиянию фигуры. Среди них не последнее место занимала княгиня Зинаида Юсупова.

Реакция в обществе, вызванная двумя докладами Родзянко, выступлением в Думе Гучкова, запросами Думы, крайне болезненно была воспринята Государыней Императрицей Александрой Феодоровной. Она всё ещё надеялась найти среди представителей высшего света людей здравомыслящих и желала опереться на их понимание и поддержку. Но тщетно. Родзянко пишет:

«Кн. З.Н. Юсупова по телефону сообщила, что высылка Распутина так подействовала на императрицу, что она захворала и легла в постель. Интересен факт, что после запроса в Думе императрица написала З. Н. [*княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой*] отчаянное письмо на восьми страницах, где она жаловалась на клевету и несправедливые нападки на них: «Нас не любят и стараются нам повредить. Этот запрос — революционный акт». Она в этом письме писала столько жалоб на их ужасное положение, что Юсуповой стало жалко царицу, и она передала в телефон, что собирается прийти к царице на другой день. Но, вероятно, происками Вырубовой ей сказали, что императрица больна и никого не принимает.

Только 9 марта 1912 года ей удалось быть у императрицы. Это уже было после речи Гучкова по поводу сметы Синода, где он упоминал о Распутине.

Кн. З.Н. Юсупова серьезно и убедительно говорила, подтверждая мои слова государю, но со стороны императрицы встретила сильный отпор, возбуждение и негодование. Она высказала своё неудовольствие по поводу моего доклада государю и особенно сердилась на мой отказ вернуть дело о Распутине:

— По какому праву он задерживает дело и не хочет его вернуть?

Кн. З. Юсупова убеждала её верить словам председателя Думы:

— Это честный и верный человек.

— Нет, вы не знаете, что он сказал отцу Васильеву; Родзянко и Гучкова мало повесить.

Кн. З.Н. Юсупова в порыве негодования сказала:

— Как вы можете говорить подобные вещи? Благодарите Бога, что находятся ещё честные люди, которые правду доводят до сведения государя. Распутин должен быть изгнан. Это хлыст, который злоупотребляет своим положением при вас.

— Нет, нет, на него клеветают, он святой человек». [192]

Гучков так прокомментировал слова Государыни в свой адрес (из показаний на допросе в Ч.С.К., 1917 г.): «Мне передал один из министров, что высочайше было

заявлено: «Гучкова мало повесить!» Я ответил: «Моя жизнь принадлежит моему Государю, но моя совесть ему не принадлежит, и я буду продолжать бороться». [193]

Раздвоение личности – диагноз, поставленный А.И. Гучковым самому себе. В этих словах весь Гучков: одна жалкая бравада и дерзкое, циничное двуличие. Поистине, человек, одержимый бесом, продавший сатане душу. Совесть нет. Отсюда его дьявольская дерзость и мнимое бесстрашие. А всё же он трус, т. к. прикрывает свою борьбу против Царской России преданностью Государю. Сказал бы прямо, что ненавидит Царя и монархию, а заодно и всю Россию, если она — Святая Русь. Гучков, изображая из себя благородство, действовал как подлец, потому что таковым он и является — интриганом и подлеем.

Виноват ли во всём произошедшем старец Григорий Ефимович Распутин-Новый? Очевидно, что нет. Если кто-то считает, что во всём виноват Распутин, то в чём его вина? Пусть ответят его противники. Но пока современные гучковы, родзянки, труфановы будут копать в истории, пытаясь наскрести побольше грязи, чтобы лепить из неё обвинение, укажем на то, что лежит на поверхности и ясно для каждого честного, здравомыслящего человека. Причиной скандала, в результате которого пострадала честь Государыни и престиж Государя, явились, с одной стороны, преступная ограниченность и тенденциозность (Коковцов); с другой, одержимость, сдобренная откровенной глупостью (Родзянко); с третьей, явная провокация, основанная на тонком расчёте и злобном умысле (Гучков со компанией).

Но спросим ещё раз: причём же здесь старец Григорий? Очевидно, что ни при чём. Но поразительно, во всём случившемся обвинили именно его. Именно на него посыпались раздражённые упреки, тяжкие обвинения и злобная молва. Ему же оставалось только объясняться, нет, не перед своими врагами, а перед теми, кому он невольно причинял боль, менее всего желая этого.

Григорий Ефимович Распутин-Новый — Царю и Царице (телеграмма из Покровского):

«Миленька и папа и мама! Вот бес то силу берёт окаянный. А Дума ему служит; там много люцинеров и жидов. А им что? Скорее бы Божьяго Помазаннека долой. И Гучков господин их прихвост — клеветет, смуту делает, запросы. Папа, Дума твоя, что хошь, то и делай. Какеи там запросы о Григории. Это шалость бесовская. Прикажи. Не каких запросов не надо. Григорий». [194]

«Правительственные и придворные круги, — пишет С.С. Ольденбург — приложили около этого времени немало усилий, чтобы добиться устранения Распутина. Государю говорили, что старец Григорий — еретик, сектант-хлыст, ссылались на случаи его безобразных кутежей». [195]

Никаких «безобразных кутежей» никогда не было и быть не могло. Не было в то время, до 1915 г., и простых, «не безобразных» кутежей, т. е. посещений ресторанов и т. д. О благочестивом, строгом, подвижническом образе жизни старца Григория в этот период времени свидетельствует и генерал А.И. Спиридович, и все, кто близко знал Григория Ефимовича.

В начале марта 1912 г. Царская Семья собиралась выехать в Ливадию. На вопрос Коковцова о планах отъезда, Государь ответил: «Не распространяйте, Владимир Николаевич, того, что я скажу вам. Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен,

выдумок и злобы. Да, я уезжаю, и притом очень скоро, и постараюсь вернуться как можно позже». [196]

Итак, Царь с Царицей весной 1912 г. перед отъездом в Крым выдержали целый шквал обвинений против старца Григория Нового. Обвинения последовали и со стороны церковной «общественности», и со стороны Думы, и со стороны государственных чиновников, и со стороны родственников. Как видим, ничто не смогло поколебать отношения Их Величеств к своему Другу. Они смогли сохранить трезвость, хотя при таком напоре нетрудно было поколебаться, будь на их месте люди менее мужественные, малодушные и слабые духовно.

В 1913 г. М.В. Родзянко вновь представилась возможность проявить свои недюжинные способности на поле достижения «высоких», одному ему понятных идеалов. Он трудился со всей ревностью, резвостью и прытью; если бы ко всему тому было приложено хоть немного ума... И вновь объектом всё сметающего темперамента председателя Гос. Думы явился Григорий Ефимович Распутин-Новый.

21 февраля 1913 года начались торжества в честь 300-летия со дня избрания Михаила Романова на Царство. В Казанский собор С-Петербурга на праздничное богослужение Императорской Четой был приглашён Григорий Ефимович Распутин-Новый. Его пребывание в соборе было омрачено грубым поведением председателя Гос. Думы М.В. Родзянко.

В тот день Родзянко был обижен. Чем?.. объяснит читателю сам Михаил Владимирович:

«В день открытия романовских торжеств, которые начались с литургии и молебна в Казанском соборе, которые совершал патриарх Антиохийский в облачении, пожалованном ему Государем, мне сообщили, что Г. думе отведено не подходящее её достоинству место. Действительно, оказалось, что Г. дума была поставлена далеко сзади не только Г. совета, но и Сената. Если романовские торжества должны были носить характер народного празднества, то нельзя было забывать, что в 1613 году народ в лице Земского собора, а не группа сановников избрала царем Михаила Феодоровича Романова.

[Видимо, Михаил Родзянко считал, что все лавры за деяния Земского собора 1613 года в 1913 году должны принадлежать именно членам Гос. Думы, которую Русский Царь уже дважды распускал за антимонархическую деятельность и революционную пропаганду, а также лично ему, Михаилу Родзянко, как председателю антинародного и антицарского «народного» представительства – Ю.Р.].

Я указал на это обер-церемониймейстеру барону Корфу и графу Толстому и после неприятного спора добился того, что Сенат должен был уступить нам своё место и был отодвинут значительно вглубь собора. Покончив с этим делом, я вышел на паперть отдохнуть, так как до приезда членов Думы было достаточно времени. Должен оговориться: чтобы упрочить «занятую позицию», я оцепил места депутатов наличным составом приставов Г. думы».

Подогрев себя столь скандальным началом, и, видимо, позабыв, что присутствует не в театре, а в церковном соборе, на торжественном богослужении по случаю возведения русскими людьми (а не депутатами Думы образца 1913 г.) на престол законного Царя из рода Романовых, Михаил Родзянко столь же доблестно совершил еще одно «славное» деяние.

«Не прошло и десяти минут, — продолжает Михаил Владимирович, — как за мной прибежал взволнованный старший пристав барон Ферзен и доложил, что, невзирая на протесты его и его помощника, какой-то человек в крестьянском платье и с крестом на груди встал впереди Г. думы и не хочет уходить. Догадавшись, в чём дело, я направился в собор к нашим местам и там, действительно, застал описанное бароном Ферзеном лицо. Это был — Распутин. Одет он был в великолепную темно-малинового цвета шелковую рубашку-косоворотку, в высоких лаковых сапогах, в чёрных суконных шароварах и такой же чёрной поддёвке. Поверх платья у него был наперсный крест на золотой художественной цепочке. Подойдя к нему вплотную, я внушительным шёпотом спросил его:

— Ты зачем здесь?

Он на меня бросил нахальный взгляд и отвечал:

— А тебе какое дело?

— Если ты будешь со мной говорить на «ты», то я тебя сейчас же за бороду выведу из собора. Разве ты не знаешь, что я, я председатель Г. думы?!

Распутин повернулся ко мне лицом и начал бегать по мне глазами: сначала по лицу, потом в области сердца, а потом опять взглянул мне в глаза. Так продолжалось несколько мгновений.

Лично я совершенно не подвержен действию гипноза, испытал это много раз, но здесь я встретил непонятную мне силу огромного действия. Я почувствовал накипающую во мне чисто животную злобу, кровь отхлынула мне к сердцу, и я сознавал, что мало-помалу прихожу в состояние подлинного бешенства [*предложение выделено Ю.Р.*].

Я в свою очередь начал прямо смотреть в глаза Распутину и, говоря без каламбуров, чувствовал, что мои глаза вылезают из орбит. Вероятно, у меня оказался довольно страшный вид, потому что Распутин начал как-то ёжиться и спрашивал:

— Что вам нужно от меня?

— Чтобы ты сейчас убрался отсюда, гадкий еретик, тебе в этом святом доме нет места.

Распутин нахально отвечал:

— Я приглашён сюда по желанию лиц более высоких, чем вы, — и вытащил при этом пригласительный билет.

— Ты известный обманщик, — возразил я, — верить твоим словам нельзя. Уходи сейчас вон, тебе здесь не место...

Распутин искоса взглянул на меня, звучно опустился на колени и начал бить земные поклоны. Возмущённый этой дерзостью, я толкнул его в бок и сказал:

— Довольно ломаться. Если ты сейчас не уберёшься отсюда, то я своим приставам прикажу тебя вынести на руках.

С глубоким вздохом и со словами:

— О, Господи, прости его грех, — Распутин тяжело поднялся на ноги и, метнув на меня злобный взгляд, направился к выходу. Я проводил его до западных дверей, где выездной казак подал ему великолепную соболью шубу, усадил его в автомобиль, и Распутин благополучно уехал». [197]

Председатель Гос. Думы М.В. Родзянко, несколько не стесняясь демонстрировать свою родовую спесь, болезненное высокомерие и безграничное самомнение, не только

уподобился евангельскому фарисею, благодарившего Бога за то, что он не мытарь, но превзошёл фарисея тем, что изгнал из храма простого, незнатного человека, пришедшего в храм помолиться за своего Царя. Михаил Родзянко запятнал себя и весь свой знатный дворянский род несмываемым позором, показав своё истинное отношение к православному русскому народу, от лица которого он дерзал вещать с думской трибуны.

И после всего этого Родзянко, как председатель Думы, произнёс речь, «приветственное слово» Царю, закончив её словами: «Примите же, Государь, эту святую икону Христа Спасителя, как благословение народное, как видимый знак тех горячих молитв, которые сегодня возносятся во всех уголках России о здравии и благоденствии Вашего Величества и всей Царствующей Семьи. Да благословит Вас Всевышний, да сохранит Он под небесным Покровом своего Помазанника на счастье и радость всей русской земле» ... [198]

Облечённая в красивую форму мысль в устах председателя Гос. Думы становится совершенно пустой, лицемерной поскольку не имеет деятельного наполнения, не исходит от чистого, любящего сердца бескорыстного человека. Как не вспомнить евангельские слова: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам всё имение моё и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1-ое Кор., 13).

Читая воспоминания Родзянко или протоколы его допросов, не трудно заметить, что основным мотивом в душе вождя «народного представительства» (каковым мыслилась в то время Гос. Дума) являлась слепая ненависть к подлинному народному представителю — крестьянину Григорию Ефимовичу Распутину-Новому.

По прошествии даже многих лет, проведённых в изгнании, претерпев жестокие удары судьбы, нужду, лишения и даже презрение со стороны соотечественников, он так и не смог пересмотреть своё отношение к минувшим событиям, в которых он принял бурное участие. Он не смог примириться хотя бы внутренне с теми людьми, которых несправедливо гнал, жестоко оскорблял. Он так и не смог освободиться от мучивших его страстей, исцелиться от одержимости, с которой он преследовал старца Григория, с которой он ненавидел Государыню Императрицу Александру Феодоровну, да и самого Царя. Как и прежде при воспоминании о Распутине его душил гнев. Он даже не старался это скрыть при написании воспоминаний. Но, по слову святого апостола, «гнев мужа правды Божией не соделывает» (Иак. 1:20). Напротив, гнев Михаила Родзянко породил ложь. Именно ложью и пропитано всё его сочинительство. Именно ложь является лейтмотивом его жизни, а гнев делает Родзянко слепым и нечувствительным ко лжи. Душа его окаменела, одеревенела, и потому сам Родзянко уже не способен отдать себе отчёт в том, что лжёт. Зачем же он лжёт, почему он лжёт? А лжёт он затем, чтобы оправдать себя, чтобы приглушить боль от гложащей его злобы, чтобы притушить поедающий его огонь, который был возжжён мятущейся совестью при её столкновении с вопиющей неправдой.

Родзянко начинает лгать с самого начала своих «воспоминаний», с самых первых строк. Он клеветает на Государыню, обвиняя её в склонности к болезненному мистицизму, даже к оккультизму, и это для Родзянко «вне всякого сомнения». [199]

Родзянко распространяет клевету на первого Друга Царской Семьи месье Филиппа, только лишь потому, что его любили Царь с Царицей. Но им он не желает верить, Родзянко слепо отдаёт предпочтение агенту тайной полиции Рачковскому, распространившему информацию, что Филипп — еврей и тайный масон. Но вот свидетельство начальника Дворцовой охраны генерала А.И. Спиридовича, что данные Рачковского не достоверны, и что Филипп лечит людей не спиритическими сеансами, как утверждает со слов Рачковского Родзянко, а молитвой «Отче наш». От Спиридовича мы узнаем, что протоиерей Иоанн Кронштадтский прозрел в месье Филиппе не врага, не противника веры Христовой, а духовного брата, и первым предложил ему крест для целования после молебна в доме князя Георгия Максимилиановича Романовского, князя Лейхтенбергского. Эта информация приведена в книге генерала А. И. Спиридовича «Последние годы Двора в Царском селе», перевод которой с французского готовился к изданию. Возможность познакомиться с материалами книги любезно предоставлена одним из руководителей проекта, скульптором Кириллом Протопоповым.

Из сопоставления данных Спиридовича с мемуарами Родзянко становится очевидным, что Родзянко даёт лживую информацию о Папюсе, что он якобы был введён в Царский Дворец подобно Филиппу. Но вот генерал Спиридович утверждает, что Папюс, «спирит и магнетизер, занимавшийся чёрной магией, хиромантией» в 1900-1903 гг. действительно был представлен нескольким высокопоставленным людям из России, но никогда не был представлен Их Величествам и ни разу их не видел.

Родзянко клеветает на Государя Императора Николая II, утверждая, что «императрица Александра Феодоровна, как натура исключительно волевая, даже деспотичная, имела неограниченное, подавляющее влияние на своего лишённого всякого признака воли и характера августейшего супруга». [200]

И такое суждение смеет выносить человек, называвший себя монархистом, верноподанным Императора, Императора, отличавшегося на всём протяжении своей жизни и в государственных делах, и в личных отношениях удивительным благородством, великодушием, выдержкой, терпением, самообладанием, твёрдостью в достижении цели, преданностью своим подлинно русским идеалам, наконец, жертвенностью, любовью и бесстрашием? Это ли не проявление великого характера? Но ничего подобного не смог разглядеть камергер Двора Родзянко в своём Государе, которого он лицемерно «обожал» только на словах. Упорная клевета, возводимая Родзянко и на Государя Николая II, и на дорогих ему людей, говорит об обратном, о том, что М.В. Родзянко ненавидел Русского Царя.

Стоит ли удивляться тому, что лицам из противоположного лагеря, своим союзникам, Родзянко, напротив, старается наклеить побольше ярких фантиков и фиговых листочков. Уже не говоря о странной дружбе камергера Двора с политическим соперником Царя Гучковым. Вызывает удивление лживая характеристика, которую Родзянко даёт своему пособнику — депутату В.М. Пуришкевичу, заявляя, что он «был честный, убеждённый человек, чуждый карьеризма и искательства, и горячий патриот». Но разве то, что совершил Пуришкевич, нанеся предательский удар Царской Семье убийством Их Друга, не опровергает слова Родзянко? Существо Пуришкевича, и как «правого» депутата Думы, и как члена «Союза Русского Народа» можно выразить одним словом — провокация.

Наконец, Родзянко лжёт на Друга Царской Семьи, старца Григория Ефимовича Распутина-Нового, искажая, уродуя его личность, извращая смысл его пребывания рядом с Царской семьей. Родзянко, в частности, позволяет утверждать, что крестьянин села Покровского «с молодых лет имел склонности к сектантству; его недюжинный пытливый ум [*надо же, снизошёл всё же Родзянко до признания таких высоких качеств за русским мужиком*] искал какие-то неизведанные религиозные пути. Ясно, — пишет Родзянко в своих мемуарах, — что прочных христианских основ в духе православия в его душе заложено не было, и поэтому и не было в его мировоззрении никаких соответствующих моральных качеств. Это был, — продолжает Родзянко, — ещё до появления его в Петербурге, субъект, совершенно свободный от всякой нравственной этики, чуждый добросовестности, алчный до материальной наживы, смелый до нахальства и не стесняющийся в выборе средств для достижения намеченной цели». [201]

Таким образом, Родзянко лишает старца Григория «нравственной этики». Этика и «великосветский этикет» — вещи разные, нравственная этика есть, например, у уголовников и даже у представителей диких племен, но вот, что совершенно отсутствует в их среде, так это великосветский этикет, от которого так страдала Государыня.

Но на каком основании выносит Родзянко такой приговор? Оказывается, на основании материалов Тобольского дела. Что ж милостью Божьей всякий желающий теперь может ознакомиться с этими материалами, и вынести своё суждение, удостоверившись, насколько прав или не прав был Родзянко. Напомним только одно, что «Дело Тобольской духовной консистории о принадлежности крестьянина слободы Покровской Григория Распутина к секте хлыстов» было закрыто в конце 1912 года за отсутствием улик, а Григорий Ефимович признан православным, взыскивающим Царства Божьего человеком! (Материалы дела приведены в конце нашей книги в «Приложении»).

Родзянко ложь прилагает ко лжи и остановиться уже не может. Он утверждает, что Распутин, чтобы иметь беспрепятственный доступ в Царские покои официально получил должность «царского лампадного». Он тиражирует ложь, что Распутин основывает «хлыстовские корабли» с преобладанием в них молодых женщин и девиц. Родзянко, употребляя выражение «стали поговаривать», и видимо считая, что этого достаточно для публичного вынесения тяжкого обвинения, лжёт о том, что «Распутина часто видят в отдельных номерах петербургских бань, где он предавался дикому разврату». Основываясь всего лишь на слухах, Родзянко считает себя вправе в качестве аргумента своей правоты выносить на всеобщее обозрение грязные сплетни о том, что «Распутин соблазнил такую-то, что две сестры, молодые девицы, им опозорены, что в известных квартирах происходят оргии, свальный грех» и т. д.

Родзянко — один из главных обвинителей Распутина. В чём же суть его обвинения и кому оно брошено, только ли Распутину? Послушаем Родзянко:

«Распутинцы положили вместе с крайне правыми течениями начало русской революции, отчуждая Царя от народа и допуская умаления ореола царского престола. Император Николай II, видя раскол мнений среди людей, его окружающих, находясь под влиянием своей августейшей супруги и не чувствуя иной опоры себе, не мог, по существу своему, избрать иной путь на почве антитезы распутинству».

Что ж, смысл ясен. Виноваты «распутинцы», погрязшие в некоем абстрактном «распутинстве». К их числу, кстати, Родзянко относит обер-прокурора Саблера, товарища

обер-прокурора Даманского, гофмейстера Танеева, его дочь Анну Вырубову, митрополита Питирима, премьер-министра Штюмера и «многих им подобных». Виноват, впрочем, и сам Царь, как следует из логических построений Родзянко. Виноваты в общем-то все, но только не он сам, Родзянко, не его подельники: Гучков, Милюков, Шидловский, В. Маклаков, не семейка Юсуповых — все те, кто предал Государя, кто отвернулся от него, кто винил его в чём не попомя, кто оскорблял Царицу грязными подозрениями и вымыслами.

В другом месте Родзянко предъявляет обвинение ещё более конкретно и определённно. Главным виновником, согласно Родзянко, остаётся всё же Распутин. Он и только он, ненавистный русский мужик, виновен во всех постигших Россию и лично Родзянко бедах. Родзянко пишет: «...начало разложения русской общественности, падение престижа царской власти, престижа и обаяния самой личности Царя роковым образом связаны с появлением при русском дворе и его влиянием на жизнь двора Григория Распутина. <...> Обаяние царского престола было замарано наличием вблизи его безнравственного и грязного проходимца». [202]

Всякое обвинение построено на логическом осмыслении фактов. Но, ни тем, ни другим не может похвастаться общественный обвинитель Родзянко. Фактологическая часть его обвинения не работает, т. е. не может служить основой для обвинительного вердикта, поскольку не имеет конкретного наполнения, составлено из ложных свидетельств и откровенных фальсификаций. Хромает и логика, т.е. рассудочная часть его обвинения. Именно неверное, суетное желание, внутренняя склонность довериться ложным свидетельствам, как и сами они, эти ложные свидетельства, порождали ложные послы, на которые опирался Родзянко. Те, в свою очередь, приводили к ложным выводам, которые и были предложены неискущённому читателю последующих поколений в качестве готовой психологической установки для оценки событий тех лет.

Но нельзя ограничиться допущением того, что у Родзянко хромала логика и здравый рассудок. Всё это так, но это следствие. Причина, несомненно, в другом. Всё дело в том, что М.В. Родзянко не был искренне заблуждавшимся, он *сознательно* разрушал трон, был активным борцом против Царской власти и лично против Государя Императора Николая II. Он был ключевой фигурой механизма разрушения Императорской России и участвовал в этом вполне осознано. Это был его внутренний, нравственный, вернее, совершенно безнравственный выбор.

Михаил Родзянко поднял колоссальный, поистине титанический труд, соответствовавший его мощной натуре гиганта, титана. Но чего он добился? Слоном родил муху. За обвинительными словами Родзянко нет ничего, пустота. Родзянко так и не смог ничего никому доказать. Весь его пухлый доклад и пространные речи не смогли поколебать убеждённости Царя и Царицы в чистоте и праведности старца Григория. Своей непоколебимостью Царь с Царицей разрушили все доводы, приведённые Родзянко, доказав, что ничего кроме пустых сплетен за ними не стоит. Не смогла использовать материалы доклада Родзянко и Чрезвычайная Следственная Комиссия Временного правительства. В её недрах так и не родилось ничего, чтобы могло быть расценено, как обвинительный акт, вынесенный Распутину. Напротив, именно следователи Ч.С.К., Руднев и Романов, на основании материалов следствия, а в их руках были и материалы, предоставленные Родзянко, фактически оправдали Григория Распутина, сняв с него

наиболее одиозные обвинения: принадлежности к секте хлыстов, шпионаже в пользу Германии, развратном поведении.

Что же касается Родзянко, он, видимо, так и останется в истории «самым большим и толстым барином», не только толстым барином, но и большим вруном. Да, действительно, Родзянко показал себя настоящим барином, но, к сожалению, в худшем смысле этого слова — полным самодуром, напыщенным, спесивым гордецом, не привыкшим подчиняться, «ломать шапки» перед кем бы то ни было (т. е. просто уважительно относиться к человеку), но привыкшим повелевать, и даже грубо повелевать, как это хорошо видно на примере его разговоров с П.С. Даманским, А.С. Танеевым и протоиереем Александром Васильевым, ничем не заслужившими такого грубого отношения. Впрочем, если надо, Родзянко умел красиво декларировать, изысканно изъясняться, импозантно выглядеть, как и положено настоящему барину. Однако, он оказался совершенно не способным к работе души, он не смог усомниться в себе, проанализировать свои поступки, он оказался не в состоянии познать, что такое смирение, кротость, послушание. Родзянко не желал, и не умел обуздывать крутой нрав надменного, гордого человека, может быть потому, что не приложил к данному ему Богом таланту повелевать ни грамма любви, ума и души. Во всяком случае, его воспоминания, от которых он никогда и нигде публично не отрекался, не дают оснований думать по-другому.

Ссылки:

173. *Родзянко М. В.* Крушение Империи. Сборник: Гибель монархии. М: Фонд Сергея Дубова. 2000. С. 107-109.

174. *Родзянко М. В.* Крушение Империи. Сборник: Гибель монархии. М: Фонд Сергея Дубова. 2000. С. 110-114.

175. *Родзянко М. В.* Крушение Империи. Сборник: Гибель монархии. М: Фонд Сергея Дубова. 2000. С. 109.

176. *Родзянко М. В.* Крушение Империи. Сборник: Гибель монархии. М: Фонд Сергея Дубова. 2000. С. 115.

177. *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II, Т. II, репринт. М: Феникс, 1992. С. 86.

178. *Родзянко М. В.* Крушение Империи. Сборник: Гибель монархии. М: Фонд Сергея Дубова. 2000. С. 115-116.

179. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Минск: Харвест, 2004. С. 465.

180. Там же.

181. *Родзянко М. В.* Крушение Империи. Сборник: Гибель монархии. М: Фонд Сергея Дубова. 2000. С. 116-118.

182. *Ватала Эльвира* Григорий Распутин без мифов и легенд. М: Армада-пресс, 2000. С. 175-176.

183. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Минск: Харвест, 2004. С. 464-465.

184. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Минск: Харвест, 2004. С. 466.

185. *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II, репринт. М: Феникс, 1992. С. 86-87.

186. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Минск: Харвест, 2004. С. 479.
187. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Минск: Харвест, 2004. С. 480.
188. *Родзянко М. В.* Крушение Империи. Сборник: Гибель монархии. М: Фонд Сергея Дубова. 2000. С. 121.
189. *Ватала Эльвира* Григорий Распутин без мифов и легенд. М: Армада-пресс, 2000. С. 176-177.
190. *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II, репринт. М: Феникс, 1992. С. 87.
191. *Ватала Эльвира* Григорий Распутин без мифов и легенд. М: Армада-пресс, 2000. С. 176-177.
192. *Родзянко М. В.* Крушение Империи. Сборник: Гибель монархии. М: Фонд Сергея Дубова. 2000. С. 118-119.
193. *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус, 2001. С. 197.
194. ГАРФ. Ф 1467. ед. хр. 949.
195. *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II, репринт. М: Феникс, 1992. С. 86.
196. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Минск: Харвест, 2004. С. 476.
197. *Родзянко М. В.* Крушение Империи. Сборник: Гибель монархии. М: Фонд Сергея Дубова. 2000. С. 128-130.
198. Цит. по: *Миллер Любовь* Царская семья — жертва темной силы. Репринт. Сергиев Посад: Лодья, 1998. С. 174-175.
199. *Родзянко М. В.* Крушение Империи. Сборник: Гибель монархии. М: Фонд Сергея Дубова. 2000. С. 85.
200. *Родзянко М. В.* Крушение Империи. Сборник: Гибель монархии. М: Фонд Сергея Дубова. 2000. С. 91.
201. *Родзянко М. В.* Крушение Империи. Сборник: Гибель монархии. М: Фонд Сергея Дубова. 2000. С. 87-88.
202. *Родзянко М. В.* Крушение Империи. Сборник: Гибель монархии. М: Фонд Сергея Дубова. 2000. С. 83-84.